

БЕССОНОВА УЛЬЯНА

ТЪМА
ПОМНИТ
МОЕ ИМЯ

ЕЁ ИМЯ БЫЛО ЗАБЫТО.
НО ТЪМА ПОМНИТ ВСЁ.

18+

Ульяна Бессонова

Тьма помнит мое имя

«Автор»

2026

Бессонова У. С.

Тьма помнит мое имя / У. С. Бессонова — «Автор», 2026

Её имя и род стерли из памяти мира, но не из его судьбы. Её называют ошибкой древнего наследия. Ключом тьмы, который не должен был существовать. Каждый шаг к правде разрушает привычную реальность. Каждый союз выглядит спасением, пока не становится ловушкой. И чем ближе Миролисса подходит к истине, тем яснее становится: её жизнь не принадлежит ей уже очень давно. Но есть одна проблема. Кто-то забыл её предупредить, что тьму можно приручить. И теперь тьма внутри неё начинает отвечать на своё настоящее имя.

© Бессонова У. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Миролисса	8
Глава 2. Миролисса	14
Глава 3. Миролисса	19
Глава 4. Миролисса	25
Глава 5. Дом Солмариус	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ульяна Бессонова

Тьма помнит мое имя

Пролог

*Рожденные
во тьме сияют ярче звезд*

Дом Ноктеверн. 20 лет назад

Вальдриан не спал более трех суток. Поместье окружали серебряные трёххвостые лисы. Их было так много, что Магистериум сошел бы с ума. Они лежали в садах родового поместья, возле ворот, охраняли двери. Периодически было слышно их тьяканье, скулеж и визги. Крупная трёххвостая лиса пришла с лисятами. Они играли возле куста алых роз. Один лисенок порезался о шип и, скуля, побрел к матери. Его серебристый мех окрашивался в красный. Все происходящее освещал багровый лунный свет. Белый свет отсутствовал уже три дня. Луна стала кровавой с приходом лис и с началом схваток провидицы Севера.

— Не волнуйтесь, хозяин. Все образуется. Не впервой провидице Севера, — проворчал сокол, пощелкивая клювом и вычищая невидимые соринки из своих перьев.

— Я обеспокоен не самим процессом, друг мой. Я переживаю об этом, — проговорил Повелитель Соколиного Предела, направив взгляд в окно.

— Это еще ничего не значит, — попытался приободрить хозяина сокол, — они могли прийти, потому что чувствуют появление на свет сильного мага, возможно, будущего воина, как ваш старший сын Мираэль.

Вальдриан тяжело вздохнул. Его голова со стуком прислонилась к окну, черные волосы укрыли выражение его лица от посторонних. Но спрятать чувства, проступившие в голосе, было невозможно.

— Ты прекрасно знаешь, что это значит. Наше проклятие проявляется. Когда родился Мираэль такого не было. Хотя он считается одним из сильнейших магов, из ныне живущих. — дрогнувшим голосом проговорил глава рода. Страх сочился в каждом произнесенном им слове, в каждой букве и вздохе. Непобедимый, вселяющий ужас во все три дома мужчина — боялся. Боялся за свою семью и еще не рожденного ребенка.

Сокол переступил лапами на плече своего повелителя. Он тоже был напуган и ободряющих слов не мог найти.

Вдруг окна стали покрываться инеем. Лисы завизжали, затаивались. Все, кто отдыхал возле ворот, вскочили и начали размахивать тремя хвостами. В покои Вальдриана постучали. Дверь распахнулась прежде, чем он успел дать разрешение войти.

— Рожает, ваша милость. Показалась головка, — запыхавшись произнесла повитуха. Женщина сжимала передник, испачканный кровью, её руки дрожали. — Роды тяжело проходят, ваша милость. Её величество была бы рада, если бы вы смогли прийти и поддержать её.

Повитуха боялась: указывать повелителю дома Ноктеверн опасно. На последних словах её голос дрогнул, а голова непроизвольно опустилась; она боялась взглянуть в глаза своему хозяину.

— Веди. — Вальдриану было не до напуганной слуги. Его волновала супруга и их ребенок, который не мог появиться на свет уже две ночи. Он боялся потерять единственное, чем дорожил.

Стараясь не переходить на бег, он последовал за женщиной. Она провела его в темную комнату, где горело множество свечей. Посередине стояла большая кровать, простыни которой давно перестали быть белыми из-за крови. Провидица Севера Элисвейна металась на постели, словно в бреду. Лекарь их рода промокал ей лоб холодной тряпкой. Множество повитух собралось вокруг его единственной любимой женщины.

— Ваша милость, пожалуйста, постарайтесь тужиться. Ребеночку надо помочь, а то задохнется, — причитала самая старшая повитуха. Её седые волосы были собраны в пучок, а руки по локоть в крови. — Прошу вас, ваша милость, давайте.

Жена металась на кровати. Она была практически без сил. Губы посинели, некогда роскошные белые волосы сбились в невообразимый колтун. Кожа побледнела, и при свете огня блестели капли пота. Вальдриан подошел к ней. Он не знал, что делать, как облегчить её боль. Глава рода разжал ее пальцы, судорожно вцепившиеся в простыни, и взял за руку.

— Милая, прошу тебя, подари мне этого ребенка. Ты сильная, ты знала, что будет тяжело. Но я рядом, ты не одна. Пожалуйста, осталось немного, уже видна головка. Мы так долго ждали, — бормотал один из самых страшных магов королевства, целуя бледную руку супруги.

Элисвейна взглянула в глаза мужа. Она была одной из немногих, кто не боялся так делать. В её взгляде была боль, она не могла сфокусироваться. В глазах Вальдриана — надежда и любовь. Провидица Севера напряглась из последних сил. Очередная схватка накрыла её с головой. Она со всей силой сжала руку своего супруга, раздался хруст костей. Вальдриан даже не пошевелился.

— Девочка! — воскликнула седая повитуха. Жена повелителя уже не слышала, она была без сил.

Вальдриан встал и принял на руки ребенка. В этот момент раздался слаженный вой лис. Разом, одной горловой нотой. Повитуха передернулась. На мужчину смотрели маленькие светлые глаза, девочка не плачет, а смотрит на отца очень внимательно. Слово заранее оценивая его. Вальдриан улыбнулся. Он был счастлив.

— Займитесь Элисвейной и ребенком. Отныне имя дитя — Миролисса.

Миролисса после этих слов не заплакала, не издала ни звука. Она открыла рот, но вместо крика из него вырвался клуб белого пара. Глаза девочки лишь на секунду стали полностью черными. В комнате мгновенно стало холодно, пол покрылся инеем. Луна за окном стала ярче и тут же скрылась за тучей. Лисы замолкли.

— Храни нас, Боги, — прошептала старая повитуха.

Дом Аурелиан. 20 лет назад

Аларис последние месяцы был очень занят. Опись архива по приказу короны выжала из него все соки. Вечер давно опустился на поместье, камин отбрасывал теплый свет на ноги главы рода Рассвета дома Аурелиан, но плечи оставались ледяными.

Он усмехнулся. Тонкие пальцы сжимали граненый стакан, янтарная жидкость плеснула о стенку. Его одолевали разные мысли, и он хотел от них избавиться. Как обычно. Только то, что было в стакане, дарило покой. Хоть ненадолго.

Род Аурелиан не считался никогда самым сильным. Его не боялись, но с ним вынужденно считались. Единственный дом, хранивший архивы с момента Разрыва. В их свитках можно было найти все: от запрещенных черных заклятий до королевских сплетен трёхсотлетней давности. Именно поэтому корона приказала ему провести опись. Именно поэтому Аларис усмехнулся. Им казалось, что они возьмут под контроль знания. Но как они докажут, что он что-то пропустил? Или спрятал? А может, вообще воспользовался во вред короне?

Он покачал головой, сохраняя на губах усмешку. Конечно, никакого переворота он не замышлял. Его устраивали правила и здешний порядок.

В дверь постучали. Голова, только начавшая отпускать боль, заныла снова.

— Войдите.

Дверь отворилась. Вошел слуга с золотым подносом, на котором лежал сложенный лист с печатью солнечного луча. Хранитель Первого Рассвета — звание, которое в доме Аурелиан носил сам Аларис, — махнул рукой.

— Ваша светлость, письмо от лучика из дома Ноктеверн, — бесстрастно произнес слуга и замер.

Лучики. Его засланные люди в каждом из трех домов. Благодаря им и существует его архив. И благодаря им с его родом считаются. Никто не знал, кто именно работает на Аурелианов. Слуга, повар, постельничий, даже собственная подруга — любой мог оказаться лучиком. Аларис дарил им то, что они ценили больше всего: жизнь, или смерть врага, или тихую старость. Плата всегда была разной, но лучики служили верно.

Аларис развернул письмо. Не поверив своим глазам, прочитал еще раз. На губах расцвела холодная улыбка.

— Значит, девка, — протянул он, — что-то ослабевает семя нашего страшного и ужасного. Девчонка вместо воина. Ах, как жаль, — со смехом произнес. Но веселье ушло, как только он дочитал до конца.

Аларис скомкал письмо и бросил в камин. Бумага сгорела быстро, но написанное в ней, отпечаталось в сознании мужчины.

Ноктеверны их проклятие только начиналось.

Он поднялся, разминая затекшие плечи, и повернулся к слуге.

— Что ж, пришло время поиграть. Поддай мне чернила и печатку. Мы напишем нашему дражайшему королю. Девочка, родившаяся сегодня, может оказаться опаснее любого мага и воина.

Глава 1. Миролисса

Воспоминания. 10 лет назад

Солнце освещало наш сад. Пионы, лилейники, сибирские ирисы. Все они радовались такому долгожданному теплу. У нас оно бывает редко. Наш север мрачен и холоден зимой, но летом он радуется глаз буйной зеленью и цветами, которые появляются за две недели постоянного солнца.

Я сижу в траве. Мое фиолетовое платье испачкалось, но я не забочусь об этом. Мне очень хорошо и спокойно, я хочу собрать букет и подарить его маме.

— Миролисса, ты где? — звонкий, уставший голос мой няни Роланды доносится со стороны поместья. Я и не заметила, как зашла глубоко в сад.

— Рола, я здесь.

Отряхивая платье, я поднимаюсь. В руках сжимаю розовые пионы, фиолетовые ирисы. Цветы такие нежные, что я боюсь их сломать.

— Маленькая лисичка убежала от няни.

Я на миг замираю, а потом, забыв про цветы, несусь вперед. На дорожке появляется Мираэль. Мой старший брат.

— Ты вернулся! - я прыгаю на него, прекрасно зная, что он меня поймает. Он всегда меня ловит.

Брат легко подхватывает и прижимает к себе. Его черные волосы сильно отрасли и закрывают уже уши. Одежда пахнет дорожной пылью. Он приехал недавно.

— Как я мог не вернуться, мелкая? Ты ведь съешь все сладости без меня и из-за этого тебя заберут к пепельным. Будешь преступницей сладкоежкой, — смеясь и кружа меня, говорит Мираэль. Его темные глаза поглощают солнечный свет.

Лицо Мираэля загорело и обросло легкой щетиной. Круги под глазами доказывают тяжесть дороги.

— Ты был уже у родителей? Я так соскучилась, братик. Смотри, какие выросли у нас цветы. А ты привез мне подарки? Я тебя просила того мишку, желтого цвета. Получилось достать? Я скучала, очень-очень, так счастлива тебя видеть.

Я говорю быстро, без остановки. Болтаю ногами, продолжая сидеть на руках брата, а он смеется.

— Миролисса, столько времени прошло, а ты и не изменилась. Конечно, я привез тебе мишку. Пришлось делать крюк и заезжать в портовый город, но что не сделаешь ради моей лисички, — он треплет меня по волосам и ставит на землю. — Пойдем, покажу его тебе. И с родителями заодно поздороваюсь. А то поди, забыли, как их сын выглядит.

Я берусь за его теплую загорелую ладонь. На душе хорошо. Я счастлива так, как никогда раньше.

Когда мы подходим к поместью, я вырываюсь:

— Мама, папа, Мираэль приехал! Мираэль здесь! — кричу я, взбегая по ступенькам.

— Ваша милость! — сзади слышится запыхавшийся голос Роланды, но мне уже не до него. Я несусь вперед и врываюсь в приемную залу. — Мама, мама! Мираэль! Мираэль здесь!

От невозможности сдержать эмоции я прыгаю на месте. Мама смотрит на меня. Её белые волосы уложены в сложную косу, ореховые глаза большие и ясные. В комнате пахнет лавандой и дождем. Так пахнет везде, где находится моя мама.

— Мираэль? Наконец-то, я уже думала, что забыл про нас, — она взволнованно встает и поправляет черное легкое платье. Её руки выдают волнение. Все боятся, когда Мираэль уезжает к куполу по службе. Но я никогда не боюсь, потому что знаю: Мираэль самый сильный. Однако папа говорит, что зачастую только силы недостаточно. Есть много других вещей, которые могут нанести вред.

— Здравствуйте, мама. — Мираэль появляется в дверях, такой высокий. В саду я и не заметила, что он будто еще вырос.

— Сынок, мой хороший, — путаясь в платье мама бежит его обнимать. Они стоят так не меньше минуты. — Как дорога? Какой ты уставший. Я прикажу приготовить утиный суп и пирог. Твои комнаты всегда тебя ждут, я велела убирать их каждые два дня, ждала твоего возвращения, — мама трогает его лицо руками, словно пытаясь отпечатать его черты себе на ладони. — Как волосы отрасли! Там, у купола, вас не стригут? Запишу тебя к цирюльнику. Мой сильный мальчик, я так рада, что ты приехал.

Брат смеется, отступает на шаг, широко улыбаясь.

— Мама, все потом. Ты скажи мне, где отец? Сын вернулся, а его нет.

Наверху, в кабинете, — отвечает мама, её мысли уже заняты тем, какие распоряжения отдать слугам. — Я пойду на кухню, распорядюсь об ужине. И вызову тебе цирюльника.

Мама летящей походкой уходит. Лаванда и запах дождя исчезают.

— Лисичка, я к отцу, а потом найду тебя и отдам подарки. Не скучай, — он целует меня в лоб и поднимается по лестнице. Несколько ступеней и я уже его не вижу, его скрыла темнота.

Настоящее время.

Толчок в плечо приводит меня в себя. Резко поворачиваю голову и натываюсь взглядом в тучную, крупную женщину. Стоит, подбоченившись.

— Ты чего, зависла, а? Смотри, сколько грязного белья. Простыни в палату нужны, а они даже не постираны. Как предлагаешь обходиться? На голый матрас класть?

Я жмурюсь, пытаюсь унять раздражение, поднимающееся во мне огромной волной. Я не должна злиться на нее. Роланда — моя бывшая няня, которая со мной с момента моего рождения. Она и спасла меня в роковой день десять лет назад. Я глубоко вдыхаю и улыбаюсь.

— Не ругайся, Рола. Я просто задумалась. Сейчас все постираю, развешу, высохнет быстро. На улице вон как жарко.

— Бездельница, — бросает Роланда и проходит мимо.

Во мне снова просыпается раздражение. Как дикий зверь, готовившийся к прыжку. Закрываю глаза и считаю до десяти. Зверь внутри затихает.

Берусь за работу, которую делаю уже почти десять лет. Кинуть простыни в тазик, размять мыло, покрошить, потереть. Слить воду, прополоскать, повесить на улице сушиться. Этот ритуал я делаю с детства. С тех пор, как Роланда поняла, что за мной не вернутся. Осознала она это спустя три месяца наших скитаний. Мы ночевали у знакомых и друзей нашей семьи пока они не закончились. В тот вечер, когда почти три месяца минуло со дня трагедии, многие уже и позабыли, что случилось с некогда страшным и ужасным родом Ноктеверн. Словно и дома такого никогда не было. Мы тогда остановились с Роландой возле городского театра. Было уже прохладно, осень вступила в свои права. Мое летнее платье, которое я носила не снимая все три месяца, истончилось и было застирано до дыр на подоле.

— Есть одно место, где нас еще могут принять. Но я в этом не уверена, — худая, измученная и еще молодая Роланда стояла, покусывая губы.

Мы двинулись в бедный район. Покосившиеся, севшие деревянные избы стояли плотно друг к другу. Казалось, это один длинный дом, у которого нет конца. Мы постучались в старенькую красную дверь, над ней висела связка сухого можжевельника и зверобоя. На стук тут же открыла старуха. Её спина была скрючена, седые жидкие волосы убраны в пучок, а глаза были прозрачными, как у рыбы, но взгляд пронзительный.

— Рола, девочка, что ты тут позабыла? Или эти ироды и тебя сюда извели? — её голос меня напугал. Скрипучий, протяжный, как ржавая дверь.

— Леона, прекрати. Я пришла за помощью. Это Миролисса, — няня подтолкнула меня вперед, к этой страшно старой женщине. Та на минуту уставилась на меня своими рыбьими глазами.

— Ты привела ко мне ЭТО? — руки у неё задрожали, щеки покрылись красными пятнами, — Убери её от моего дома, ты, никчемная девка. Убери, я сказала! — старуха тряслась и кричала. Волосы выбились из пучка, а желтые пальцы с обгрызенными ногтями тыкали в меня.

— Леона, прошу. Нам некуда идти, осталась только ты. Всего одну ночь, умоляю. А потом я найду работу, — Роланда буквально упала на колени на грязный порог. Она, как и я, не ела с самого утра. Мы были изможденные, голодные и бедные.

— Убирайся, ты и эта девчонка. Не впускай вас за порог. Пошли вон! — крикнула и захлопнула дверь.

В тот вечер Роланда заплакала впервые. Мы просидели у порога старухи всю ночь. Но она так и не открыла.

Под утро к нам пришел посыльный из повивальной избы. Обычно он доставлял «письма счастья» отцам новорожденных. Сказал, его попросили нас пригласить. В тот день мы устроились на работу. Изначально я просто носила воду роженицам, а потом освоилась и взяла на себя другие обязанности. Роланда же стала старшей повивальной прислужницей.

Я не обижалась, что она заставляла меня работать. Питаться надо было чем-то, а жить только на её жалование было сложно. Поэтому я работала за еду. А с пятнадцати лет уже получала половину взрослого жалования — как помощница повитухи.

Никогда не хотела связывать свою жизнь с этим делом. Но судьба решила иначе. Теперь я не только стираю, но и окуриваю комнату травами, помогаю роженицам, готовлю палату и отвары. Все это я выучила делать идеально лет с шестнадцати. Чувство брезгливости проходит быстро, когда от него зависит, будешь ты сегодня ужинать или нет.

Я прошла на задний двор. Там у нас был «повитушный» сад, как называли его местные. Здесь рос можжевельник, полынь, зверобой, иван-чай. В небольшом месте, огражденном специальной плотной сферой, росли малина, мята, тысячелистник, ромашка, фенхель, валериана. Сфера поддерживала тепло, не давала погибнуть столь ценным на севере растениям. К сожалению, это удовольствие обходилось дорого, и хозяйкой повивальной избы решила урезать всем немного жалование.

Сейчас сфера была открыта. Взгляд радовали розовая малина и белые цветы ромашки. На улице стояла такая жара, что пот стекал по шее. Пить хотелось страшно, сочные ягоды так и манили. Но было нельзя, иначе оставят без ужина. Весь этот сад, можно сказать, зелейная лавка для местных, как говорят в столице. Без него многие роженицы и их дети не выживут.

Я быстро осмотрела растения, полила их и собрала можжевельник. Пора было окуривать комнату. Привычными жестами связала ветви между собой и подожгла. Пошел густой плотный дым, с ним я быстро переместилась в родильную залу. Здесь стояло четыре больших кровати и было два окна. Я прошла по периметру, потом направилась в коридор, хотела проверить как вчерашняя роженица, и не нужен ли ей фенхель для прилива молока.

Я тихонько постучала в палату и вошла. На кровати лежала худенькая, маленькая девушка. Волосы золотистого цвета, сразу видно, не местная. Кожа с бронзовым отливом, а густые черные ресницы обрамляют глубокую зелень глаз. На руках она держала новорожденного. Черноволосый мальчик, так спешил появиться на свет, что родился раньше установленного срока повитухой.

— Здравствуйте. Все ли у вас хорошо? Как приливы молока? Хватает малышу?

— Здравствуйте Не знаю. Он все время спит, - слабая тень улыбки появилась на её лице,
— Скажите, когда нас отпустят? Мне здесь не по себе.

Я задумалась. С одной стороны, держать её нет смысла. Ребенок по всем параметрам здоров, молока хватает, раз новорожденный спокойно спит, а значит, может идти домой. Но, с другой стороны, ее пребывание оплачено хозяйке золотой монетой. Выпишу её сейчас, мое жалованье сразу станет меньше.

— Давайте мы за вами еще понаблюдаем. Роды только вчера были. Я принесу настой фенхеля, молоко будет лучше прибывать, вам легче кормить. И чай из крапивы, чтобы силы вернулись быстрее.

— Спасибо, сестра-повитуха, - тихо сказала девушка. Она попыталась приподняться на кровати, но то ли передумала в последний раз, то ли у нее не хватило сил.

Я киваю и выхожу. На сегодняшний день из уже родивших она была единственной. В ожидании находилось еще три роженицы, но ими занималась Роланда. Я же работала с теми, кто уже родил.

Спустя час я принесла настои в палату, но золотовласка уже спала. Рядом с ней лежал маленький сверточек с черными волосиками. Малыш был закутан в плед и сладко сопел под боком матери. Девушка придерживала его тонкой худой рукой, словно боялась потерять. Я достала из шкафа одеяло и укрыла её и сверточек. Девушка что-то пробормотала, но осталась неподвижной.

Вечер наступил быстро. Я еще раз проверила простыни — все сухие. Подготовила можжевельник для обеззараживания палат и родильных комнат. На завтра я попросила у хозяйки выходной, не сказав Роланде. Так что надо было поскорее лечь.

Наша каморка узкая, еле вмещает две кровати. Я быстро задула свечу и помолилась богам: пусть помогут мне сдерживать мои силы и дальше, защитят меня и всех, кто вокруг.

Мое утро началось еще до рассвета. Сила внутри меня гудела, чувствуя предстоящее развлечение. Надев мужскую одежду, которую я позаимствовала у сына посыльного, я выскользнула из повивальной избы. До восхода солнца оставалось три часа, значит, ровно столько у меня времени, чтобы вернуться до того, как проснется Роланда.

Я проходила мимо центральной площади. Мой путь лежал в западную часть города. Мне нравились такие вылазки. В это время город будто отдыхал от людей. На улицах было пустынно. Даже сам воздух ощущался легче и свежее. Я подошла к западной стене. Найдя кирпич с незаметной для чужих глаз пометкой, постучала: три быстрых стука и три медленных. Все довольно просто. На моих глазах стена без звука отъехала в сторону. Под ней оказалось темное про-

странство шириной чуть более полметра. Те, кто делал этот лаз, позаботились о том, чтобы туда не пролезла упитанная стража города. Я опустила ноги в темноту и спрыгнула.

Полет длился недолго — буквально пара секунд. Мои ноги приземлились на огромную кучу старых одеял, с которых я скатилась, как мешок. Сбоку раздался хохот.

— Рэйн, еще слово — и я за себя не ручаюсь, — я была недовольна. У меня никогда не получалось приземляться как все.

— Да я вообще молчал, — сдерживая смех, сказал бородатый улыбчивый мужчина. Его выдающееся пузо было подвязано ремнем с мечом, а на груди болталась огромная цепь со знаком солнца — символом правящего рода нашего королевства.

— Для меня до сих пор загадка, как ты со своими выдающимися пропорциями пролезашь в ту дырку, — отряхивая штаны от пыли, проворчала я себе под нос.

— Ох, Мира, эта тайна умрет вместе со мной, — Рэйн улыбнулся во весь рот, демонстрируя отсутствие некоторых зубов.

Я закатила глаза. Скорее мир переживет еще один Разрыв, чем этот боров поделится какими-то своими секретами.

— Сегодня играешь как обычно? — обычный вопрос, но я почувствовала некий подвох.

— Да, мне понадобятся полуперчатки и наколенники. Ну и твои деньги. Будешь ставить на меня, как и всегда? — с усмешкой уточнила я, натягивая перчатки, открывавшие пальцы рук.

— Не угадала, у нас новенький. Думаю, тебе он понравится. Буду ставить на него.

Я нахмурила брови.

— Извини, — примирительно поднял Рэйн руки, — но его вчерашний бой покорила всех завсегдаев.

Меня не устраивал такой расклад. Не для того я долго зарабатывала себе авторитет, чтобы в один вечер его пошатнул какой-то новенький.

— Кто он? — бесстрастно спросила, хотя внутри мой зверь уже рвался наружу.

— Так, парень какой-то. Не помню, как его зовут. Саймон, Саир, что-то на «С» Но парень мощный. После тебя не помню, чтобы еще кто-то меня смог впечатлить.

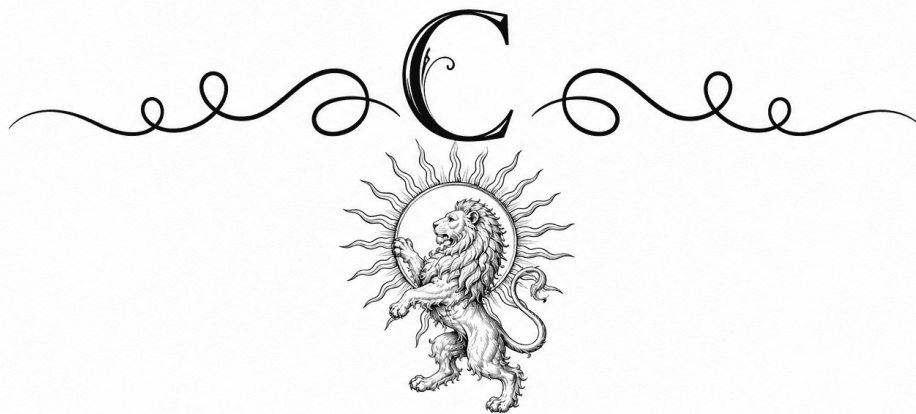
— Ясно. Сегодня он мой противник? — это скорее было утверждение, но ради приличия я придала голосу вопросительную интонацию.

Рэйн развел руками.

— Всех наших бойцов он победил за один вечер. Осталась только ты.

Я набрала в грудь воздуха. Что ж. В этот раз придется поднапрячься.

— Пойдем к арене. Гляну на вашу новую звезду.

В это же время. Род Солвейн дом Дневного Света. Дальняя линия крови.

— Где мой сын?! Куда она ушла с моим ребенком?! — мужчина кричал и крушил мебель в гостиной своего дома. Осколки дорогой мебели разлетались в щепки.

Вальтериус Солвейн. Тот, кто был изгнанником своего рода Он был сослан в самый далекий западный город, подальше от главной ветви рода. Его единственным спасением был его сын. Если он представит его главе рода, то, возможно, получит прощение, и ему разрешат вернуться в главный город их дома — Солкарис. Прекрасная столица, город сияющих башен, белого камня и золотых знамен с львами. Вальтериус скучал по славе, которую получал, гуляя по центральным улицам города. Скучал по женщинам, по их мягким телам и заискивающим взглядам.

— Где эта сука?! — Вальтериус был наполнен такой ненавистью, какой ранее не испытывал. Из-за неё он лишился всего. И ради чего? Он не хотел вспоминать её пустой, сломленный взгляд, её холодное выражение лица. Но не мог. В памяти всплывал её образ прежде, чем он мог бы это контролировать.

Слабые лучи дневного света начали вырываться из его ладоней. В комнате мгновенно стало теплее на несколько градусов. Мужчина покачнулся и упал. Проявление хоть и малой силы значительно ударило по его внутреннему магическому источнику. Быть отрезанным от рода и вдали от столицы дается ему нелегко.

Вальтериус остался лежать посреди разгромленной комнаты. В щепках мебели, в осколках разбитых ваз лежала фотография: на ней улыбались двое. Молодая девушка и он сам — молодой, темноволосый. Последнее, что он увидел, прежде чем потерять сознание окончательно, — её золотые волосы и улыбку на снимке.

Глава 2. Миролисса

Рэйн вел меня подземными тропами к знакомому месту. Арена. Там я могу отпустить себя, свой контроль, дать волю чувствам и накопившейся усталости. По мере приближения я слышала четкие глухие удары и звон металла. Зверь внутри довольно заурчал. Мы свернули направо и уперлись в старую деревянную дверь. Рэйн остановился.

— Мира, ты знаешь, как я к тебе отношусь. Подумай, может, сегодня тебе пропустить игру, — его взгляд был полон беспокойства. Это так ему не свойственно, что я опешила.

— Рэйн, смотри, как бы тебя кто не услышал. Не дело главе отряда Ордена Света проявлять эмоции. Особенно ко мне, — меня поразили его слова. Уж кто, а он точно знал, что означает участие в игре.

Арена Затмения. Так прозвали игру местные. Каждый, кто приходил сюда, понимал: назад дороги нет. Ты либо выйдешь победителем, либо пропадешь. Суть проста: на арене высечен из камня лабиринт. Игроку нужно найти выход. Вот только выйти должен один. Второго не всегда достигает смерть. Он, может быть, поглощен Ареной. Тех, кого не убивают участники, как говорят, поглощает сама тьма и они остаются в лабиринте навсегда.

Мне не доводилось убивать. Сделать так, чтобы человек не смог дойти до выхода, — это да. Но убивать сразу — никогда. Тем интереснее глянуть на нового парня. Если он победил тех, кто вышел из лабиринта, то, возможно, так же опасен, как и они. Мало кто из победителей придерживался мирной тактики, как я. Некоторые сразу искали второго игрока и убивали его — так проще пройти остальные испытания лабиринта. А их несколько.

Самое простое — первое. «Коридор Шепота». Узкий проход между каменными стенами, освещенный тусклыми факелами. В нем тебе на ухо нашептывают самые тяжелые воспоминания, самые сильные страхи. Те, кто слаб ментально, не проходят. Я играю уже четыре года. Один раз в месяц. Ни разу Коридор не повторился. Каждую новую игру он вытаскивает на поверхность все новые страхи и воспоминания. Я никогда не думала, что у меня их так много.

За «Коридором шепота» следует испытание с милым названием — «Зеркальная галерея». Вот оно опаснее первого, хоть и выглядит безобидно. В зеркалах, из которых состоит несколько поворотов, отражается ложь. Там тебе показывают убийство лучшего друга, семьи, измену или собственную смерть. Зеркала затуманивают разум, поэтому легко поверить, что

это правда. Зачастую игроки, увидевшие свою смерть, умирают так же, как в зеркале. Показало удушье — игрок забывает, как дышать. Ранение от ножа — вспарывает себя. Тем и опасна галерея. Но не для меня. Мне терять некого, зеркало не может меня обмануть, не найдет то, что я боюсь потерять. Поэтому Галерея показывает мне изощренные способы моей смерти, ни разу не повторившись. Я не боюсь умереть, так что для меня это просто картинки, которые мелькают в отражениях.

Третье испытание проверяет магию. Оно простое, если у тебя большой источник. Тебе всего-то надо поддерживать факелы своей силой, чтобы выйти из лабиринта. Прямая тропа длиной около километра съедает резерв так, что ты выходишь шатаясь. Главное — не дать факелам погаснуть. Я слышала такое только раз, когда играла два года назад. Моим противником был мужчина с юга. Как позже выяснилось, из золотой знати. Генерал какого-то войска, которого разжаловали за пьянки и дебоши. Мы двигались вровень, хоть я и подправила ему ходьбу, покалечив ногу. Мы одновременно вошли на тропу с факелами, но пути разошлись. Каждый был один, не видел, но слышал соперника. Я слышала, как он тяжело дышал, хромал и стонал. Когда я почти преодолела тропу, раздался крик. Очень страшный, леденящий душу, нечеловеческий вой, оборвавшийся резко. После наступила оглушающая тишина. Поэтому перед игрой я коплю силы. Не трачу их даже на зелья и заговоры.

Я толкнула деревянную дверь, оставив Рэйна за ней. Арена дыхла знакомым ароматом сырости и крови. Перед входом в лабиринт она предоставляла на выбор орудия. Я привычно взяла острые клинки и спрятала в ножны на ногах. Окинула взглядом пространство. Моего противника нигде не было видно. Очень интересно.

Раздался гудок, означавший скорое начало. Арена задрожала, перестраиваясь и выращивая каменные стены. Выход каждый раз был в другом месте. Еще ни разу Арена не повторилась.

Я снова огляделась и только сейчас заметила фигуру в черном. Парень был в черных штанах и балахоне — глубокий капюшон скрывал руки и лицо. Я кивнула сопернику, но он проигнорировал. Окинув взглядом, я заметила, что у него через плечо была португеза. Значит, выбрал также холодное оружие, как и я. Мы встали у входа. Вход один, и некоторые недобросовестные игроки предпочитают ударить сразу, застав врасплох. Я была к этому готова: одна рука на ножнах, вторая наготове, приятно покалывая кончики пальцев.

— Ну здравствуй, — донесся глубокий хриплый голос. Я не повела и взглядом. Скоро второй гудок, и надо сделать первый шаг. — Я о тебе слышан, Миролисса. Давно хотел с тобой познакомиться, — парень, а голос был достаточно молодой, сильно закашлялся.

— Самое глупое, что можно сделать, — искать меня на Арене Затмения. А еще более глупо — прийти на игру больным, — раздался второй гудок, и я шагнула в лабиринт. Меня тут же перекинуло в «Коридор Шепота», так что ответа я не слышала.

В этот раз коридор решил напомнить детский страх пауков. Он нашептывал мерзости, которые я не могла вообразить. Навевал мысли, что в темноте прячутся огромные пауки, ждущие, чтобы обглодать меня острыми зубами. Я смотрела прямо и не сбивалась со счета. Коридор длиной ровно сто сорок шагов. Я прошла половину. Поняв, что пауками не запугать, он начал шептать о страхе глубины. Тьма здесь плотная, как глубины океана, стоит повернуть голову — и не разглядишь факелы. Ведь я под толщей темной воды, и воздуха не хватает. На мгновение перехватило горло, огонь в факелах покачнулся. Пальцы привычно закололо, и я, не сдержав силу, кинула ее в стену. Та задрожала, тьма, обступившая ее, рассеялась. На месте удара появился белый иней. Я выдохнула: значит, я еще на земле.

Сделав последний шаг, я вышла из коридора. Огляделась. Второй игрок появился одновременно, тяжело дыша. Я усмехнулась. Он еще не знает, что ждет впереди.

— Я хотел бы поговорить, Миролисса, — парень остановился, рядом. — Мне нужно сказать кое-что важное о твоей семье.

Я замерла. Потом, сбросив оцепенение, отошла на шаг.

— Чего ты добиваешься? У меня нет семьи, я одна, — заученная ложь слетает с языка прежде, чем успеваю подумать. В этой игре маги используют всё, чтобы сбить с толку. Запутывают, заговаривают, чтобы потом ударить в спину. И этот ничем не лучше. Такой же, как и все.

— Послушай, я — начал он, но я перебила.

— Нет, это ты послушай, — с раздражением произношу я. — Ты пришел на игру, которая может тебя убить. И собираешься тратить время на разговоры? Ты глуп и наивен, если считаешь, что очередная байка про расправу над моей семьей заставит меня выйти. Из этой игры не выходят. Ты либо выжил, либо тебя поглотила тьма. Всё.

Я раздражено взмахиваю рукой — и в него летит черный иней. Черт. Я не сдержалась и выпустила то, чего не заслуживает парень, который просто пытался поговорить.

— Берегись! — кричу, пытаюсь обогнать собственную магию, но не успеваю.

Соперник поднимает левую руку, и с пальцев срываются красные искры. Они захватывают в водоворот мой иней и уносят в сторону. Врезавшись в каменную стену, наша магия оставляет опаленный след.

— Кто ты? — теперь я оценивающе смотрю на него. И замечаю то, что ранее скрыло мое высокомерие.

Он высокий, под балахоном видны широкие плечи, руки скрыты, но низ выдает в нем как минимум солдата. Солдатская обувь, накачанные ноги, принявшие стойку воина, как только увидели мою магию. Я пытаюсь заглянуть за спину, чтобы понять, какое оружие выбрал. Парень отступает на шаг, и я замечаю крупные ножны для меча. Кладу руку на свои кинжалы. Он не так прост.

— Значит, ты военный, — голова в капюшоне поворачивается ко мне. Я пытаюсь рассмотреть лицо, но не хватает света.

— Теперь ты дашь мне сказать, лисичка?

Так называл меня только один человек, которого я похоронила десять лет назад. Я замерла. Сердце пропустило удар. Всего на миг — но ему хватило.

Парень резко выбросил руку вперед, и что-то оцарапало щеку. Я вытащила кинжалы, но было поздно. Не хватило всего несколько секунд. Провела по лицу: на пальцах кровь.

— Что ты сделал? — голос дрогнул от ярости. Зверь внутри царапал ребра когтями, моля выпустить на свободу.

— Спокойно, — соперник поднял ладони. — Я все объясню.

Пока он говорил, я разглядела на его запястье широкий браслет с потайной иглой. Кончик иглы был окрашен моей кровью. Я оценила длину. Он мог меня легко убить, просто вонзив её мне в шею. Немного выдохнула, не убил. Значит, ему что-то от меня нужно.

Я кивнула, не опуская кинжалов.

Он скинул капюшон.

На меня смотрели голубые глаза в обрамлении светлых ресниц, почти белые волосы, а кожа бледна настолько, что были видны синие прожилки на шее.

— Ты не местный. — Жестко произнесла. — Кто ты и зачем ты сделал этот трюк с иглой? Мои кинжалы были наготове, а кончики пальцев нетерпеливо покалывало.

— Я с Запада, — осторожно начал мой соперник.

Я начала вспоминать. Запад. Дом Солвейн, род Дневного Света.

— Что-то бледен ты для рода Дневного Света, — я прищурилась. У солнечных родов кожа теплая, с бронзовым отливом. Бледность — удел дома Ноктеверн.

Мой соперник вдохнул. Так вздыхают взрослые, объясняя очевидное ребенку.

— Я не из рода Дневного Света. Вернее — парень запустил руку в волосы, и его капюшон открыл кожу до локтя.

Я увидела татуировку черной ладони.

Меня обдало холодом. Только одни маги носили такую татуировку. Пепельные: преступники, предатели королевства, магически нестабильные, порождения Разрыва. Чем опаснее — тем выше ставилось клеймо. А у него на внутреннем сгибе локтя. Значит, передо мной либо убийца, либо что еще похуже.

Ледяной вихрь сам собрался на моей ладони. Парень, на миг растерялся, потом заметил, что рука открыта, и поспешно закрыл её тканью.

Я не стала ждать. Одним резким движением бросила вихрь ему в живот. Не смертельно, но задержит. Это даст мне время пройти в «Зеркальную Галерею», где он не сможет меня найти.

Магия попала в цель. Он согнулся, вскрикнул, рухнул на колени. Так работала моя магия: обжигала сильнее обычного огня. Под её ударом теряешь чувствительность, а внутренности будто прижигают каленым железом.

Я не стала смотреть, как он корчится. Отвернулась и побежала вперед.

Галерея встретила меня зеркальным блеском. В сотнях отражений я увидела собственное лицо; испуганное, растерянное. Окинув взглядом свои раскрасневшиеся щеки, я заплела растрепавшуюся косу. Выдохнула.

Пепельными пугали детей. Пепельных боялось всё королевство. Они появились шестьсот лет назад, во время Разрыва. Десять правящих родов захотели переписать сам мир. Они желали стать бессмертными, стереть смерть, подчинить судьбу и время. Вместо этого они породили Разрыв. Из десяти родов выжило четыре: Аурелиан, Солвейн, Солмариус, Ноктеверн. Остальных поглотила выпущенная ими магия. Древние маги думали, что их ритуал не сработал, но они ошиблись. Из поглощенной силы шести домов родились пепельные. Люди с треснувшей магией. Говорят, они управляют временем, меняют реальность и не умирают. Первым из них стал Пепельный Король, вышедший из Разрыва. Шепчутся, он жив до сих пор. На его лбу горела черная ладонь. Ранее черную ладонь ставили только нестабильным магам или тем, кто изначально родился пепельным. А потом черной ладонью стали метить преступников и ссылать их в гетто. Черная ладонь страшнее тюрьмы. Из тюрьмы можно выйти, а с этим клеймом путь к обычным людям закрыт навсегда.

Пребывая в раздумьях, я не заметила, как оказалась у последнего зеркала. Взглянула — и увидела свою смерть.

Человек с черной ладонью на лбу разрывал меня пополам магией. Сквозь разорванную плоть мерцали, переливаясь, куски моей жизни: молодая мама ходит беременная. Миг — и меня держит отец на руках, я не кричу, а только смотрю на него. Родители празднуют мой первый день рождения, мама украшает стол цветами, а брат играет со мной. Снова смена кадра: мне пять лет, я играю с папой и братом в рыцарей. Вспышка. Мне десять лет, я собираю цветы

На этом моменте я отвернулась. Горло сдавило от подступивших слез.

Я сделала шаг и вышла из Зеркальной Галереи.

Одинок скатившуюся слезу смахнула рукавом. Огляделась. Моего соперника нигде не видно. Но я не расслаблялась. Про пепельных не зря говорят, что их не убить. Надо быстрее к выходу — Арена сама с ним разберется.

Я шагнула на тропу третьего испытания.

Километр прямой дороги, факелы, которые надо питать магией. Уже под конец, я была настолько эмоционально вымотана, что огонь начал затухать. Я взяла себя в руки, отключила чувства и считала шаги. Последний шаг и я вышла из лабиринта.

Арена ослепила победной вспышкой.

Когда глаза привыкли, я увидела Рейна. Бледный, растерянный.

— Мира, тебя не было шесть часов. Я уже думал, Арена тебя поглотила.

Я недовольно выдохнула. Арена — артефакт со своим характером. Внутри неё время течет иначе. Я думала, меня не было не более двух часов. Что ж, придется объясняться перед Роландой.

— Рейн, давай без болтовни. Я и так задержалась. Давай деньги.

Тяжелый мешок с золотом лег в ладонь.

— В следующий раз не сомневайся во мне. Как видишь, новенький остался в лабиринте.

Рейн усмехнулся. Я не стала рассказывать ему о том, что произошло в лабиринте. Нечего ему знать, что новенький парень был пепельным. Рейн может испугаться и свернуть игру, а мне жизненно важно накопить как можно больше денег.

— Веди к выходу. До встречи через месяц.

Голос звучал ровно. Контроль эмоций в обычной жизни дается мне легко.

Зверь внутри недовольно ворчал. Он не поразвлекался сегодня. Не побегал по лабиринту и не вдохнул сырой воздух Арены. Это было плохо. Придется найти время и место, чтобы сбросить излишки накопленной магии.

Рейн провел меня к выходу. Если в игру ты попадал через проход, то выход ты делал через сточный заброшенный канал. Путь был недолгий, четверть часа. Но неприятный. Крысы и вонь никуда не делись, хоть этим стоком и пользовались очень давно.

— Мира, — голос Рейна дрогнул. — Арена не убрала лабиринт.

По спине пробежал холодок. Но я отогнала его — не мои проблемы.

— Значит, твой новенький борется с ней. Но победитель — я, так как вышла первая. Так что деньги не верну.

Глава 3. Миролисса

Я вышла на залитую солнцем улицу. Жадно вдохнула свежий воздух. Возвращаться до пробуждения Роланды уже не имело смысла. Быстрым шагом проходила по улицам и рассматривала прохожих. Жители Астромора были одеты легко. Сейчас шел второй месяц лета, и солнце пригревало непривыкшие к теплу дома.

Наш город окружали хвойные леса и горы с вечно заснеженными вершинами. Когда-то это называли защитой. Теперь просто границей между тем, что еще дышит, и тем, что давно умерло.

Крепость Нокт-Астэр поднималась над городом, как напоминание о силе, которой больше не существовало. Её построил первый из рода Ноктеверн, как и сам город. Я отвела взгляд от казавшейся впереди стены и ускорила шаг. Нужно успеть, пока на меня не обратили внимания.

Я проходила заброшенные магазины, сломанные фонари. Мимо прошла женщина с ведрами воды. Мужчина менял сгоревшую за ночь свечу в фонаре. Город давно забыл, как десять лет назад здесь текли магические каналы, дававшие возможность пользоваться водопроводом и электричеством.

Остановилась, когда увидела нужный дом. Единственная зелёная лавка в северной части города. Некогда красивая и яркая, из-за отсутствия магии она превратилась в обычный прилавок в доме управляющего. Об этом месте знали только избранные. Я подошла к потрескавшейся от солнца двери и постучала. Хозяин открыл сразу.

— Мира, ты сегодня поздно, — он огляделся, проверяя, нет ли слежки.

Я пожалала плечами. В эту лавку прихожу каждый месяц после игры. Покупаю за пять золотых зелье, меняющее цвет глаз. Мне нельзя выделяться.

Хозяин отступил, пропуская меня.

— Тебе как обычно? — равнодушно уточнил он. — Если нужно, могу дать чернила для волос, — его взгляд скользнул по моей голове.

Он заметил. Значит, успела вовремя.

Я исправляла внешность: меняла глаза на карие, чтобы никто не опознал во мне представительницу дома Ноктеверн. Волосы с холодным пепельным отливом затемняла до обычных черных — северяне народ внимательный и не любят чужаков.

— Давай зелье и чернила. Проведешь меня в уборную? — я бросила на прилавок десять золотых. Дорого, но ради этого я и играю.

Знакомой дорогой он провел меня в уборную. Там стояла пыльная ванна, заваленная свитками, и раковина. Воды в доме не было уже десять лет. Передав мне огарок свечи, хозяин вышел.

Возле раковины стояло ведро, наполовину заполненное колодезной водой. Я не стала медлить. Начнем с самого неприятного.

Подошла к зеркалу, поднесла огарок к лицу. Глаза уже начинали меняться, вытесняя карий цвет и возвращаясь к серебристому, тому, с которым я родилась. Выдохнув, запрокинула голову и капнула зелье в зрачок. Острое жжение ударило от глаз в голову. Я покачнулась и схватилась за раковину. Придя в себя, снова поднесла огарок к лицу. В зеркале на меня смотрела кареглазая девушка.

С волосами было проще. Намочив корни, вылила на голову второе зелье и втерла. Теперь надо ждать около получаса. Пока чернила схватывались, я вспомнила о пепельном.

Кто он? Откуда знал мое семейное прозвище? И зачем оцарапал мою щеку? Эти три вопроса крутились в голове с момента выхода из Арены. Я вздохнула. В любом случае, сейчас уже не узнать. Присев на некогда роскошную ванну, откинула голову и попыталась вздремнуть.

Проснулась от пристального взгляда. Осторожно приоткрыла глаза, осмотрелась сквозь ресницы. На меня смотрела маленькая девочка. Розовое пышное платье и белый бант делали её похожей на куклу.

— Тетя, у вас все хорошо? — тонкий голосок разрезал тишину.

Я медленно открыла глаза и, стараясь не делать резких движений, встала. Девочка любопытно разглядывала меня и не сдвинулась с места.

— Тетя, вы давно спите. Чернила на волосах засохли

Я потрогала корни волос. На них плотной засохшей массой было зелье.

— Поможешь смыть? Одна не справлюсь, — попросила я, направляясь к ведру.

Девочка молча пошла за мной и начала поливать.

— Тетя, а почему лисичка рядом с вами была, а потом ушла?

Невинный вопрос заставил дыхание остановиться. Плечи окаменели, руки вцепились в раковину.

— Какая лисичка? — голос, как я ни старалась, дрогнул.

— Красивая. — лаконично ответила малышка, продолжая поливать.

— Тебе, наверное, показалось. Полей, пожалуйста, еще — попросила я, стараясь не выдавать дрожь в голосе.

— Возможно — большая струя воды полилась на шею и волосы.

Я старательно отмывала голову, не проронив больше ни слова. Девочка, на удивление, тоже молчала. Закончив помогать, она ушла.

Я быстро заплела косу и направилась к выходу. Проходя мимо управляющего, на миг остановилась.

— А что за девочка в платье и с бантом?

— А, так дочь моей невестки. — спокойно пояснил хозяин лавки, — Она доставила какие-то неприятности?

— Отнюдь. — Кивнув, я вышла.

Мой путь лежал к крепости. Миновав главные улицы, свернула к выходу из города, который вел в лес. Не дойдя несколько метров, остановилась, оценивая, какая сейчас смена стражи. Отлично, сегодня дежурит толстый Мэйв. Большой, с висячим брюхом, он стоял возле ворот.

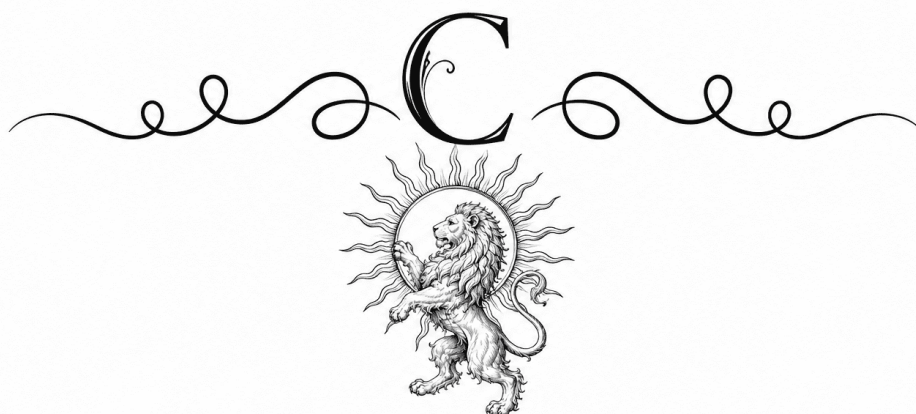
— Мейв, — я кивнула, — пропустишь?

Страж уставился на меня так, будто увидел пепельного. Я достала один золотой, на лице мужчины тут же расцвела улыбка.

— А как не пропустить такую красавицу, — соловьем запел он, ловко пряча монету в нагрудник, — проходи.

Ворота со скрипом поднялись. Пригнувшись, я ступила за черту города.

Дом Солвейн род Дневного Света. Дальняя линия крови

Вальтериус беспробудно пил. Все прошения в Солкарис остались без ответа. Его игнорировал весь дом Солвейн. Он сидел на полу в разгромленной комнате. По его приказу слуги не убирались здесь. Вальтериус хотел, чтобы хоть что-то соответствовало беспорядку в душе. Пнув ногой обломок некогда любимого кресла, прикрыл глаза. Наина его золотая любовь. И его погибель. Та, ради которой пошел наперекор главе дома. Та, из-за которой его вычеркнули из рода как помеху.

— Ненавижу! — крикнул он и бросил стакан в стену. Осколки разлетелись, некоторые впились в кожу. Он посмотрел на руку, кровавое пятно начало покрывать рукав его шелкового халата.

Вальтериус встал, покачиваясь, побрел к единственному уцелевшему предмету — письменному столу. Открыл нижний ящик, достал серый порошок. «Зола», сразу поняли бы знающие. Сильный галлюциноген, дающий возможность осуществить мечты, хотя бы в собственной голове. Препарат был настолько мощным, что во всем королевстве находился под запретом. Вальтериус достал его через знакомого пепельного, который, впрочем, и производил золу. Их серый бизнес. Мужчина усмехнулся. Разбавив порошок элем в новом стакане, он сел на пол и сделал глоток.

Раздался стук в дверь.

— Кто? — раздраженно бросил Вальтериус, стараясь держать глаза открытыми. «Зола» начинала действовать.

— Вам письмо, без герба, — произнес вошедший слуга.

Вальтериус протянул руку, и слуга, осторожно пробираясь между обломками, приблизился.

Мужчина выхватил письмо и попытался сосредоточиться. Текст, написанный знакомым почерком, плыл перед глазами, а буквы прыгали, складываясь в непонятные символы. Мотнув головой, прищурившись, он прочел:

«Дорогой отец! Пишу тебе с новостью: дом Ноктеверн жив. Девушка находится в столице. Это наш шанс вернуть авторитет. С любовью» Дальнейшее поплыло перед глазами.

Вальтериус попробовал встать, но покачнулся и осел на пол. Его накрыли мечты и воспоминания.

Он в Солкарисе, в родовом поместье. Вино лилось рекой, за большим столом сидит он и его новоиспеченная супруга. День свадьбы. Наина, молодая и хрупкая, застенчиво держит его за руку. Он, улыбаясь, дразнит её, поглаживая колени через платье. Она краснеет и пытается сбросить его руку, но он тут же возвращает её обратно.

— Дорогой мой троюродный брат Вальтериус! Сегодня знаменательный день, — начинает глава дома Каэлдор Солвейн. — Мы соединяем два дома, две судьбы любовными узами. Отныне дом Солвейн и дом Аурелиан — семья. Горько за молодых!

Все за столом поднимают бокалы и дружно скандируют. Вальтериус поднимается. Смеясь и отведывая шуточный поклон, поворачивается к суженой. Наина сидит бледная, лишь красные пятна покрывают прекрасное личико.

— Наина — он протягивает ей руку и она, чуть помедлив, вкладывает свою.

Он обхватывает её за талию и, не давая ей опомниться, впивается в губы. Она пытается сопротивляться, но куда ей. Несколько секунд — и она расслабляется, губы становятся мягкими и податливыми. Оборвав поцелуй, Вальтериус прижимается губами к её лбу. Сердце выпрыгивает из груди. Никогда еще он не испытывал таких эмоций и такого желания лишь от поцелуя.

Свадьбу праздновали два долгих дня. В Солкарис приехали близкие родственники Наины. Вальтериус наслаждался всеобщим вниманием и, чего лукавить, последними крохами любви с другими женщинами. Наина ему все время улыбалась, глаза блестели, румянец не сходил с щек.

В последний день, выпив много вина, Вальтериус признался ей в любви. Золотоволосая супруга в ответ впервые сама поцеловала его. Так и началась их счастливая семейная жизнь.

Мужчина пришел в себя. В груди болело. Пытаясь отдышаться, он отгонял от себя давно забытые чувства. Посмотрел в окно — уже вечер. Представитель дома Солвейн попытался сесть, но голова пошла кругом. Он схватился за нее, и в лоб впечатался лист бумаги. Без герба. Развернул письмо и, не поверив глазам, прочитал еще раз. Ушедшее счастье сменил холодный расчет.

— Что ж, моя дорогая Наина, можешь еще немного попрыгаться, но я все равно найду. — задумчиво произнес Вальтериус. Мысли уже занимала возможность вернуть себе былой статус.

Дом Аурелиан. Род Рассвета

Селестрия Аурелиан, королева Утренней звезды, злилась.

— Ну где только берут этих криворуких? Лучшая швея королевства, ага, как же. — Бумага с эскизами полетела на пол, — Нет, вы только посмотрите, у нее свадьба через три месяца, а она и в ус не дует. Элария, ради богов, соберись уже и относись ко всему серьезно!

Супруга главы дома Аурелиан возмущенно взмахнула руками. Ее младшая дочь, Элария, с непоколебимым спокойствием смотрела на мать.

— Мне все равно, какое будет платье, матушка. Это вы с отцом хотите свадьбы, а не я, — Элария отвернулась и направила взгляд в сад. Ее любимый сад, который, однажды, придется покинуть.

Она не хотела замуж. Не хотела ни этой свадьбы, ни платья. Сердце было свободно, и она не желала забивать голову предстоящим торжеством. Этот брак — обязанность дочери главы дома, не более. Он нужен для укрепления их влияния и статуса. Элария обреченно выдохнула. Отец не захотел жертвовать старшим сыном, поэтому решил, что это её удел. Хотя за Люмерисом и выстраивается очередь из дам, желающих его окольцевать.

— Элария, прекрати. Мы с твоим отцом тоже познакомились благодаря договорному браку. И посмотри, — она обвела рукой сад и поместье, — мы счастливы!

Элария скептически подняла бровь. Увы, Селестрии не удастся её убедить. Дочь слышит, как мать плачет по ночам, потому что отец снова уходит к чужим женщинам. Она видит, как он относится к супруге. Такого брака она бы не хотела.

Селестрия, заметив реакцию дочери, замолкла. Быстро отвернувшись, заговорила уже жестче:

— Дочь моя, — на этих словах Элария закатила глаза, — ты обязана выйти замуж. Это племянник короля, моя дорогая. Нашему дому редко выпадает такая возможность. Да в конце концов, ты будешь жить во дворце! — привела сильный, по ее мнению, аргумент королева Утренней звезды.

Элария направилась к выходу с террасы, оставляя мать самой разбираться с платьем. В дверях она столкнулась с отцом.

— Отец, — она кивнула в знак приветствия.

— О, Элария, — Аларис всполошился и окинул её взглядом, — как подготовка к свадьбе?

— Аларис, дорогой, она вообще ничего не хочет. Ни замуж, ни выбирать платье, ничего! — с раздражением и легкой истерикой воскликнула Селестрия.

Глава дома даже не повернул головы в её сторону. Он смотрел на дочь и вспоминал, когда допустил такое безразличие к их роду.

— Элария, ты понимаешь, что это шанс для нашего дома? Когда бы еще Аурелиан смог так приблизиться к короне? — отец вопросительно поднял бровь.

Вдруг на террасу зашел личный слуга хранителя Первого Рассвета.

— Ваша милость, вам письмо, — мужчина, которого Элария никогда прежде не видела, протянул отцу белый конверт.

Отец махнул рукой, веля слуге уйти.

Не стесняясь жены и дочери, он тут же распечатал послание. Впервые его супруга и дочь увидели столько эмоций на его лице. Он сначала побледнел, потом покраснел. Его руки дрожали. Сжал письмо в кулаке, на миг замер, а затем разорвал его.

— Так, свадьба откладывается. Ты, — он ткнул пальцем в дочь, — скажешь племяннику его величества, что у тебя появилась неизученная хворь, которая грозит испортить тебе внешность. Он падок на красоток. Если ты такое напишешь, он отложит свадьбу до твоего исцеления. Ты, — следующий тычок в сторону Селестрии, — отмени все приготовления. Напиши Люмерису письмо, чтобы возвращался домой.

— Но он сейчас в походе с Орденом Света. Ему нельзя просто приказать вернуться, он руководит Орденом. — растерянно проговорила Селестрия. — И погоди, что значит «отменить все приготовления»? Аларис, что происходит? — последние слова она выкрикнула.

Глава дома поморщился. Как он не любил, когда его приказы начинали обсуждать.

— Руководитель должен быть там, где он нужнее. Сейчас он нужен здесь. Возможно, Люмерису будет выделена роль, после которой он не захочет больше быть главой Ордена Света.

— Кто может быть лучше представителя правящего рода? — недоверчиво спросила Элария.

— Род, который воскрес.

Аларис перевел взгляд на Эларию. В его глазах было нечто, что заставило её передернуть плечами.

Селестрия тяжело опустилась в кресло. Щеки её покраснели, глаза наполнились слезами.

— Не может быть, Аларис. Ты уверен? — голос дрожал.

— Сел, — его голос тоже дрожал, — к сожалению, я уверен.

Аларис подошел к своей супруге, опустился на одно колено и сжал её руки.

— Милая, — по щеке королевы скатилась слеза, она судорожно вдохнула и сжала ладони мужа, — это нужно для наших детей. Вызывай Люмериса.

Элария стояла как парализованная. Две вещи её шокировали: первая — что существует еще один род и он важнее королевского; вторая — что отец проявил нежность к матери.

Аларис поцеловал Селестрию в лоб поднялся.

— Я в архив, надо поднять старые документы. Отдыхайте, девочки.

Когда отец ушел, Элария взглянула на мать. С уходом Алариса все краски сошли с её лица. Селестрия сидела бледная, смотрела на свое платье и беззвучно шевелила губами. Элария подошла ближе.

— Старый мир канет,

Обратится золой.

И то, что ушло,

Навсегда на покой —

Будет гореть под алой луной

Губы Селестрии двигались почти беззвучно, но Элария смогла расслышать эти строки. Кожа покрылась мурашками, сердце пропустило удар.

Глава 4. Миролисса

На пороге повивальной избы я появилась, когда уже стемнело. Роланда окинула меня недовольным взглядом и поджала губы. Разговора не избежать. Быстро юркнув в нашу каморку, я спрятала мешок с золотыми в тайник под кроватью. Выпрямившись, тут же столкнулась с Ролой.

— Мира — угрожающе проговорила бывшая няня, — ты где шлялась? Вечер на дворе, от тебя никаких вестей.

Я знаю, что её раздражение скрывает обычное беспокойство. Но тем не менее волна недовольства поднимается в душе.

— Роланда, я была занята, — голос звучал виновато, хотя и не оправдывалась.

Женщина прищурилась, лицо перекосило недовольство.

— Ты что, снова играла? Опять проводила время с этим разбойником Рейном? Боги его покарают! — Роланда начинала заводиться. Она единственная знает, как моя жизнь связана с Рейном и чем я ему обязана.

— Мира, то, что он спас тебя от своих же, не делает его героем. Он шарлатан, преступник и к тому же убийца, раз притащил в город эту игру, — её лицо перекосило отвращение. — Мерзкий артефакт, который питается кровью проигравших. Запретная магия в королевстве, а ты принимаешь в ней прямое участие!

Я прикрыла глаза. Роланда всегда так реагирует, вот уже четыре года. Обычно мне удается вернуться до её пробуждения и избежать нотаций. Но сегодня был явно не мой день.

— Ну-ка открой глаза. Подойди, — её голос стал мягче, но меня не обмануть: начиналась новая стадия гнева.

Я сделала шаг, и она поднесла свечу к моему лицу.

— Ты использовала зелье, — голос наполнился осуждением, как всегда. — Я тебе много раз говорила: не стыдись того, кем ты являешься! Этот город уничтожил твой дом, а ты своими руками стираешь последнее напоминание об их грехе.

— Ты же знаешь, зачем я это делаю. И вовсе не потому, что хочу, чтобы *они* забыли о *моем* роде и доме. Это безопасность. Не только моя, но и твоя, между прочим. Я готова

поступиться фамильным отличием, если это гарантирует мне спокойную жизнь! — эмоции начали обуревать меня, но зверь внутри сытно спал.

Роланда окинула взглядом мою одежду. Я замерла. Её глаза скользили от обуви до волос. Сделав шаг, она запустила руку в мои волосы и достала маленькую веточку. Черт. Становится всё еще хуже.

— Ты говоришь мне о безопасности, но сама допускаешь *такое*? — она потрясла веткой перед моим лицом. Щеки покраснелись, глаза при свете огня безумно блестели. Роланда была в бешенстве. — Ты обещала, что взяла все под контроль. Ты клялась мне, — ее голос вдруг стал тише, — что твой зверь под твоей властью. И что я вижу? Ты приходишь в повивальную избу с грязными деньгами и ветками в волосах.

Я хотела что-то сказать, но слов не было. Роланда была права. Сейчас именно я угрожала нашей безопасности.

— Ты меня разочаровываешь, Миролисса.

Рола ушла, хлопнув дверью. Я тяжело опустилась на жесткую кровать. Эта ночь и день вымотали меня так сильно, что эмоций совсем не осталось. Я закрыла лицо руками. Слез не было. Свой годовой запас я выпустила в лабиринте. Была только злость на саму себя. На свою беспечность.

Я не стала дожидаться возвращения Роланды. Потушив почти все свечи, провалилась в забытье.

Утро началось с привычного расписания. Подготовив простыни, травы и зелья, я направилась к золотоволосой пациентке. Постучав ради приличия, вошла в палату.

Девушка стояла у окна и кормила новорожденного. Она выглядела намного лучше: исчезла болезненная бледность, появился легкий румянец на щеках.

— Как ваши дела? — стандартный вопрос потревожил роженицу. Она вздрогнула, развернулась ко мне. На миг в глазах показался страх, но его тут же сменила улыбка и узнавание.

— Я не слышала, как вы вошли. Все хорошо. Ланаэль много кушает и крепко спит.

Я вопросительно изогнула бровь. Это имя было очень необычным для северных краев. Оно больше подходило бы жителям восточного королевства. Я еще раз окинула девушку взглядом. Возможно.. нет, не мое дело. Тем временем золотовласка продолжала:

— Ах, я назвала так сына. Это имя моего прадеда по роду, и я подумала

Она ступешалась и замолкла. Щеки покраснели, руки прижали ребенка к себе.

— Вернее, не по роду, я оговорилась, — искусственная улыбка растянула губы, — услышала у одной знатной дамы и решила назвать.

Я сделала вид, что поверила. Мне хватает своих проблем, я не хочу вникать в чужие.

— Если вы чувствуете себя хорошо, можем сегодня вас выписать. Кого из родных оповестить? — спросила я как ни в чем не бывало.

Девушка отвернулась к окну.

— Никого не нужно. Чувствую себя хорошо, могу уйти после обеда?

Я заметила, как дрожал её голос. Руки по-прежнему сильно прижимали ребенка, словно боялась, что отберут.

— Да, я подготовлю ваши вещи и выдам жетон ребенка. Хранитель хроник уже сделал запись о рождении

— Уберите! — властный и резкий приказ заставил меня дернуться. — Вернее, не могли бы вы, пожалуйста, убрать запись? — девушка повернулась ко мне. В голосе смешались надежда и вина.

— Так нельзя. Все младенцы записываются хранителем хроник в городской архив. Это закон королевства, мы не можем его обойти.

Глаза золотоволосой красавицы наполнились слезами. Она положила ребенка на кровать, подошла ко мне и схватила мою руку.

— Прошу вас, сестра-повитуха. Я на самом деле богата, я дам много золота, но не записывайте Ланаэля, умоляю — девушка начала опускаться на колени, продолжая держать мои руки.

Я пребывала в ступоре. Таких ситуаций у меня еще не было. Я посмотрела в её карточку: имя — Альва Стенберг. Обычное сочетание, так звали половину бедного квартала.

— Альва, я придумаю что-нибудь, — я высвободилась из хватки и отошла на шаг, — но я ничего вам не обещаю. Прошу вас, поднимайтесь, я принесу вам отвар из валерианы и ромашки.

Девушка, сначала никак не отреагировала, потом опомнилась, встала и взяла ребенка на руки. Я не стала дожидаться ответа, вышла из палаты.

Такая реакция подтвердила мои догадки. Девушка не местная и, скорее всего, из знатного рода восточной части королевства. На востоке правят Аурелианы, но не думаю, что она относится к ним. За рождением детей глава дома Аурелиан следит очень строго, не допуская, чтобы младенцы рождались за границами их власти. Скорее всего, она работала в их доме и забеременела от сына какого-нибудь генерала или мага. Поэтому и сбежала.

Как бы я ни рассуждала, девушку было жаль. Она чем-то напоминала меня, своим желанием спрятаться и не быть найденной.

Я поднялась на второй этаж, где располагались покои хозяйки повивальной избы. Постучавшись, я вошла в её спальню-кабинет.

За столом сидела худощавая сухая женщина. В городе никто не помнил её молодой. Тяжелые черные волосы были заплетены в толстую косу, а глаза холодного темного оттенка всегда смотрели с прищуром. У нее был крутой нрав и тяжелый характер. Но свое дело она знала, поэтому в Астроморе её уважали и немного побаивались.

— Миролисса, — она кивнула мне, приподнимая одну бровь, — зачем пришла? Свой выходной ты уже истратила, следующий можешь взять через месяц.

— Эйра, вы уже передали свиток о рожденных хранителю хроник? — я постаралась, чтобы голос звучал равнодушно. Она не должна ничего заподозрить.

— Сегодня отправила посыльного. А ты почему интересуешься? — она оторвалась от кипы бумаг и направила на меня тяжелый взгляд.

Я не знаю, почему именно она дала нам с Роландой работу. Я наблюдала за ней долгое время, но она никак не показывала, что знает, кто я такая. По нашей легенде мы с Роландой — сестры из бедного квартала, лишившиеся дома. Обычные бродяжки. Эйра никогда не задавала вопросов, за что я её и уважала. Оттого сейчас застала меня врасплох.

— Хотела, чтобы он поменял имя новорожденному. Девушка придумала другое, — сказала первое, что пришло на ум.

— Ты про Альву Стенберг? Брось, судя по имени, она из бедного района. Там никто не держится за жетоны новорожденных, в отличие от знати, — она не сводила с меня глаз.

— И все же роженица настаивает, — я продолжала давить, заранее понимая, что проиграла.

Эйра встала. Её старое серое платье было аккуратным, хотя уже довольно износилось. Она подошла ко мне.

— Не замечала за тобой раньше, таких хлопот касаемо имен. Мне стоит что-то узнать? — Эйра скрестила руки на груди и отвела взгляд в сторону.

— Нет, вы правы, это пустое. Девушка буквально умоляла сменить имя, вот я и поддаюсь. — Я постаралась придать голосу виноватые нотки, но не слишком. Я и так вызвала много подозрений своей просьбой.

— Что ж, ты можешь навестить хранителя хроник сама. Думаю, он не откажется принять, — Эйра села обратно за стол и продолжила читать бумаги.

— Но он принимает только хозяек повивальных изб или знатных особ. — я была в замешательстве. Мне нет доступа к хранителю хроник.

— Вот поэтому он тебя и примет. — Эйра замолчала. По моей спине пробежала целая стая мурашек. Не может же она знать, кто я, и так долго молчать? — Уходи, я работаю.

Я быстро вышла из кабинета. Закрыв дверь, осмысливала разговор. Это был очень прозрачный намек, что она знает кто я. Но зачем она это сделала сейчас? Зачем дала понять, почти спустя десять лет?

Я спустилась вниз и принесла отвар золотовласке, как и обещала. Сейчас было утро, поэтому, я могла успеть к хранителю хроник. Девушке я ничего не сказала, не ответила на её расспросы. Молча поставив отвар, вышла из палаты. Хранитель находился в башне под названием «Зал предков». Высокое каменное здание стояло поодаль от центральных улиц. Подойдя к каменной двери, я приложила ладонь. Сейчас сама башня решит пропускать меня или нет. Несколько секунд ничего не происходило, потом дверь закрипела, осыпая землю каменной крошкой и открыла проход. Из темноты повеяло запахом прошлого. Прочистив горло от внезапно ставшей вязкой слюны, я ступила внутрь.

С каждым моим шагом в коридоре зажигались факелы. Казалось, ему нет конца. Последним шагом я уперлась в деревянную дверь. Оглянувшись назад, попыталась понять, насколько длинным был путь. Но дорога уже погрузилась в непроницаемую черноту.

Я всем весом навалилась на дверь. Заскрипев, она приоткрыла небольшой проход. Ровно такой, чтобы я смогла пройти одна. Протиснувшись, я очутилась в светлом зале. В центре стоял массивный письменный стол, на который падал свет из окна в крыше башни. По стенам высились огромные стенды, заполненные до потолка свитками и книгами. Вытерев потные ладони, прокашлявшись, я произнесла: — Здравствуйте, — голос прозвучал сипло.

Ответом была тишина. Я сделала шаг к столу. На нем в беспорядке лежали свитки. Окинув взглядом, быстро нашла серую бумагу из нашей повивальной избы. В мою голову закралась идея. Я могу же просто забрать свиток? Никого нет

Стоило этой мысли проникнуть в мою голову, как я почувствовала позади тяжелое дыхание. Повернувшись, увидела нечто. Полупрозрачное существо смотрело на меня огромными черными глазами. В них не было зрачка, лишь сплошная темнота. Казалось, своим взглядом оно высасывало свет. Тело было одутловатой формы, как у утопленника. Оно стояло на четвереньках, но вместо ног были руки. На голове почти не осталось волос, а из ушей текла черная слизь. Существо открыло огромный рот с парой острых зубов.

— Ноктеверн, — его голос прогремел, и я почувствовала гнилостный запах. — Ты пришла в мою обитель. Проклятое дитя.

Стены отразили его слова. «Проклятое дитя» — вторил зал. В горле скопилась слюна, но я не могла её проглотить. Легкая судорога прошла по телу.

— Вы Хранитель хроник? — спросила я.

Существо наклонило голову, словно животное.

— Ты пришла спасать ту, которую не нужно. По летописям у тебя другая судьба. Ты — камень для этого мира, — продолжило оно, будто не слыша вопроса.

Я не понимала, о чем он говорит. Злость начала подниматься огромной волной, зверь внутри царапал ребра.

— Уймись! — резкий крик раздался так неожиданно, что я подскочила.

Я отошла ближе к столу, чтобы чувствовать хоть какую-то опору.

— Мне нужен свиток из повивальной избы Эйры, — произнесла, успокоив колотящееся сердце.

Хранитель, а это, видимо, был он, прошел мимо меня на четвереньках. Забравшись на стол, он начал сбрасывать свитки на пол.

— Не то, не то, — бормотал его зубастый рот.

Вдруг нечто замерло. Схватив задней рукой серую бумагу, он протянул мне свиток.

— Проваливай, — впихнув мне свиток, существо подтолкнуло меня к выходу.

Я развернулась и быстрым шагом вышла за дверь. Стены давили, словно пытаюсь вытеснить меня из башни. Не помню, как прошла темный коридор и зажигались ли вообще факелы. Я выбежала на улицу.

Солнце ослепило так резко, что глазам стало больно. За моей спиной раздался грохот. Каменная дверь опустилась на землю, оставляя позади этот кошмар. Желудок сжался, и я вырвала. Еще никогда не ощущала столько эмоций сразу: от безразличности до всепоглощающего ужаса. Стараясь выровнять сбившееся дыхание, я сжала руки. В одной раздался хруст бумаги. Опомившись, развернула свиток. В нем было всего одно имя — Альва Стенберг. Рядом стояли дата рождения и имя ребенка.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что меня никто не видит, я разорвала свиток на маленькие кусочки. Оттряхнув руки, улыбнулась. Возможно, я спасла ей жизнь.

Приближаясь к главной улице, встретила посыльного. Веснушчатый подросток затормозил рядом.

— Тетя, а вы от хранителя? — вытирая сопливый нос рукавом уточнил мальчишка.

Я удивленно подняла брови. Откуда он мог знать? Заметив мою реакцию и расценив её правильно, малец продолжил:

— Полгорода слышало, как он кричал. Вы зачем к нему пошли-то? Есть же окошко прошений, в него вопросы задаешь и почту передаешь.

Прекрасно. Как вернусь, поговорю с Эйрой.

— А почему все говорят, что ходят к хранителю, если по итогу просто в окошко ему письма суют? — я раздраженно спросила. Потратила кучу времени, когда могла пойти по легкому пути.

— Так дверь-то никого не пропускает. Вы вообще, как прошли? Снесли её что ли? — папан безостановочно шмыгал носом. Рукав его кофты уже промок.

— Сам меня впустил, — задумчиво произнесла я.

— Ого, так вы его видели? И че, он такой страшный, как все говорят? — глаза парня загорелись любопытством.

— Тебе работать не надо? — попыталась отвлечь его. Не хватало еще сплетничать с посыльным. И так полгорода знает, что к нему кто-то ходил.

— Надо. А вы, кстати, вообще кто? Вы ж не посыльная. — на этих словах мальчишка шмыгнул носом, но, видимо, неудачно. Длинная сопля упала ему на кофту. Мы вместе проследили за тем, как она колыхается.

— Не вырос еще, расспрашивать меня. Вон, соплю подбери и давай, — я сорвалась на грубость.

Мальчишка обиженно вытер нос и ушел. Я чертыхнулась. Надо же было так опозориться. Не иначе меня боги наказали.

В повивальную избу я вернулась, когда солнце стояло в зените. Не обращая внимания на окрикнувшую меня Роланду, я ворвалась в палату золотовласки. Альва сидела на кровати и сжимала в руках кулон. Малыш сладко посапывал рядом. На подоконнике стоял нетронутый обед.

— Альва, — девушка никак не отреагировала на имя.

— Роженица, — раздраженно произнесла я. Девушка подскочила на матрасе и выронила кулон.

Я невольно бросила взгляд на него и замерла. На кулоне был выгравирован символ рода Рассвета, дома Аурелиан. Белый феникс, расправляющий крылья в лучах солнца.

— Откуда это у тебя? У кого ты украли кулон? — зверь внутри меня рвал и метал. Вот почему хранитель говорил, что я спасаю не ту Она оказалась воровкой.

Девушка побледнела и трясущимися руками подняла украшение. Глаза её наполнились слезами.

— Сестра-повитуха, прошу, никому не говорите, — она заламывала пальцы и теребила подол белой ночнушки. — Я не воровка, честно. Мне ... его подарили.

Девушка быстро надела кулон и спрятала его под одеждой. Я сделала два глубоких вдоха. Моя теория верна: она обычная беглянка с бастардом.

— Я сделала так, что имя твоего ребенка не будет отображено. Можешь не переживать, — мой голос звучал сухо и безразлично, будто не я тряслась от страха несколько часов назад.

Девушка посмотрела на меня так, словно не понимала, что я говорю. Она молча подошла к ребенку и достала жетон. На жетоне было написано: «Ланаэль Стенберг».

Мои ладони закололо, и водоворот инея вырвался из рук. Чертыхнувшись, я вылетела из палаты, крикнув напоследок:

— Жди здесь!

Как разъяренный зверь, я ворвалась в кабинет Эйры. Женщина словно ждала меня: сидела за убраным столом, сложив руки перед собой.

— Вы меня обманули, — мой голос грохотал, в нем прорезались рычащие нотки. — Вы отправили меня к хранителю, когда он уже сделал запись.

Пальцы на руках начали чернеть. Слишком много навалилось за эти дни: пепельный, девочка в зеленой лавке, Роланда. А теперь еще и бессмысленный поход к хранителю. Хозяйка повивальной избы быстрым взглядом окинула мои руки.

— Сядь. — Спокойный голос Эйры злил еще сильнее. — Я сказала, сядь! — она крикнула, и меня вмиг отпустило.

На место злости пришла апатия. Я на ватных ногах прошла к креслу и упала в него. Сил говорить или смотреть на хозяйку не было.

— Я тебя не обманывала, — начала Эйра спокойным голосом. — Посыльный доставил быстрее, чем должен был. Вот и все. Хранитель сделал запись раньше, чем ты пришла.

— Но он отдал мне свиток — голос прозвучал бесцветно.

— Да, отдал, потому что он ему больше не нужен. — Эйра встала и подошла ко мне. — Возвращайся к работе. Эта роженица вывела тебя из равновесия. Можешь сегодня закончить на два часа раньше.

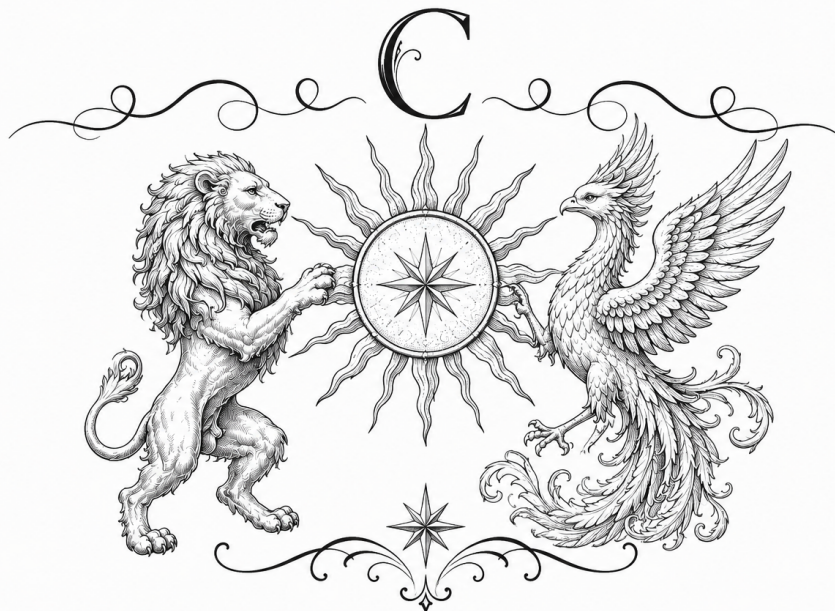
Последние слова были великодушным предложением с её стороны. Я кивнула и вышла из кабинета.

Поднявшись в палату, я застала Альву практически в дверях. Увидев меня, она отшатнулась. Её глаза испуганно метались от меня к стене за её спиной.

— Альва, я пыталась тебе помочь, но не смогла. Давай так: ты хранишь мою тайну, — я кивнула на стену, покрытую инеем, — а я храню твою. — Мои глаза остановились на уровне её груди, где под одеждой скрывался кулон.

Золотовласка молча кивнула и прошла мимо. Проводив её взглядом, я направилась в сад. Надо было набрать воды, чтобы скрыть следы своего срыва.

Глава 5. Дом Солмариус

Правящий дом Солмариус. Дворец семи светил. Тайная переговорная. 30 лет назад

В небольшой комнате за овальным столом собрались представители домов. Их созвали по делу, не терпящему промедления. Две главы великих домов сидели, за их спинами стояли будущие наследники.

— Где носит этого Ноктеверна? Сколько можно ждать? Император не зря прислал срочные письма, — Эльдрас Солвейн, глава рода Дневного света, недовольно хлопнул ладонью по столу. Его седые волосы были убраны в высокий хвост, открывая дряблую шею.

— Неудивительно, что этот дом опаздывает, — растягивая слова, подхватил Эстарион Аурелиан. — Вы слышали, что Морвейн Ноктеверн сделал? Выбрал в наследники племянника, а не сына. Из-за таких решений наша незыблемость рушится. Сегодня племянник, а завтра приведет с улицы какого-то отброса и скажет: «Уважайте».

Мужчины и наследники за их спинами одобрительно зашумели:

— Ноктеверны они как кость в горле.

— Зачем их вообще пригласили на совет? Они угроза нам всем.

— Неслыханное неуважение к традициям.

Голоса смешивались, создавая хаос. Вдруг в комнате погасли все свечи. В абсолютной темноте раздались скрип двери и тяжелые шаги. Все замерли. Воздух стал настолько плотным, что невозможно вдохнуть.

— Будет тебе, Вальдриан. Отпусти тьму, — спокойно произнес Морвейн Ноктеверн, глава рода Луны и Тумана.

Тьма отступала неохотно. Ей хотелось поиграть, напугать солнечных лордов сильнее. Кто-то придушенно захрипел, закашлялся. Миг и все вернулось: свечи горели, дверь была закрыта. Лица присутствующих оставались бледны.

— Какая неслыханная дерзость! — Эльдрас поправил растрепавшиеся волосы. — Морвейн, держи своего племянника на коротком поводке. Мы и так оказали ему огромную честь, разрешив сделать наследником вашего дома. — Лицо старика перекосило от отвращения.

— Не смей меня, Эльдрас. Никто не спрашивал вашего разрешения, — усмехнулся Морвейн. — Будь осторожнее со словами. Вальдриан не так прост, как кажется.

— Да мы уже поняли, — потирая красные следы на шее, пробормотал Эстарион Аурелиан. Его наследник стоял бледный, словно увидел смерть.

Все замолчали, рассматривая нового наследника Ноктеверн. Вальдриан стоял за спиной дяди, облокотившись на стену. Его руки были расслабленные, лицо спокойное. Он не произнес ни слова.

Дверь резко открылась, послышались быстрые шаги. К столу подошел правитель четырех королевств.

— Вижу, вы уже пообщались, — Гелиан Солмариус кивнул на Эстариона, который до сих пор держался за шею. — Не будем медлить. Астерион, подай свитки.

Светловолосый молодой человек передал отцу бумаги. Астерион, будущий правитель, был красив и опасен, как солнечный свет: сперва вы чувствуете тепло и восхищение, но если смотреть слишком долго, то можно ослепнуть. Он поправил волосы, вальяжной походкой сел на место отца.

— Астерион? — король недоуменно кашлянул.

— Отец, я после тренировки. Не могу посидеть? — сын размял руки и вытянул затекшие ноги.

— Ладно, переходим к сути, — Гелиан Солмариус сделал вид, что ничего не произошло. — Хранитель Хроник нашего королевства передал свиток с пророчеством. Прошу всех ознакомиться с ним, я вам его зачитаю:

«В багряную ночь
Под покровом луны
Дева, рожденная
Встанет из тьмы.
Небо прошепчет:
«Ты миру нужна»,
Звезды ответят:
«Ты нам чужда».
Нет ей покоя,
Нет дома и сна,
Сердце наполнит
Холодная мгла.
В час, когда кровь падет на луну,
Древние троны
Окрасят во тьму.
Солнце потухнет —
Алый мир воспарит,
Святыни и Храмы
Поработит.
Старый мир канет,
Обратится золой,
И то, что ушло,
Навсегда на покой,
Будет гореть

Под алой Луной»

Голос короля дрожал все сильнее. На последних словах он запнулся, вытер трясущейся рукой лоб. В комнате воцарилась гнетущая тишина.

— Бред старого чудовища из Хроник, не более. — раздался молодой голос. Все повернулись в сторону говорившего.

Вальдриан стоял, не поменяв позу. Его руки были сложены на груди, а глаза прикрыты.

— Что ты сказал? — сорвался на визг Эльдрас Солвейн. Наследник за его спиной поморщился.

— Я сказал — бред. Если бы правители домов верили в каждое написанное стихотворение, мы бы здесь не сидели, — слова Вальдриана упали камнем в гладь тишины. Через несколько секунд комната взорвалась выкриками:

— Он прав, это просто стихотворение..

— Хранители хроник никогда не передают «стихотворения» просто так..

— Солнце потухнет..

— Это получается все солнечные роды перестанут существовать. Что ж, мне можно не переживать, — усмехнулся наследник Ноктеверн.

Главы домов замерли, словно только что осознали.

— А ведь действительно! Говорится «солнце потухнет», и что там с луной? — быстро проговорил Эстарион Аурелиан.

— «Будет гореть под алой луной» — прошептал Эльдрас.

Все произошло быстро. Глава дома Солвейн вскочил, направляя поток дневного света в Морвейна. Тот не успел отреагировать, его опрокинуло со стула на пол. В тишине слышалось тяжелое дыхание Солвейна.

— Вы. Напали. На главу дома. — Вальдриан даже не шелохнулся, тьма вырвалась сама.

Миг и темная рука обвила шею Эльдраса Солвейн. Подняв его над полом, Вальдриан продолжал:

— Как вы посмели. Нападение на главу дома карается смертью. Не так ли, Гелиан Солмариус? — полностью черные глаза остановились на короле.

Тот стоял не шевелясь, свиток зажат в ладонях.

— Безусловно.. — начал Гелиан.

Но его перебил Астерион:

— Да прикончи ты этого хрыща, ради богов. Он всех уже достал, — насмешливый тон отрезвил присутствующих.

— Вальдриан, поставь главу Дневного света на место. Нам нужно обсудить, — приказал король, бросив недовольный взгляд на сына.

— Неслыханная дерзость! Но Эльдрас тоже хорош — зашептались остальные.

Наследники давно перестали стоять за спинами отцов. Они сбились в кучку в углу и перешептывались.

— Вальдриан — хриплый голос привел парня в себя. Он резко отпустил Эльдраса, и тот с глухим стуком упал на пол.

Будущий наследник Ноктеверн метнулся к дяде. Морвейн пришел в себя. Покачиваясь, глава дома медленно поднялся. Черные волосы прикрывали правую часть худого лица. Левая половина казалась вылепленной из воска: красная потрескавшаяся кожа местами переходила в угольные пятна, волос не осталось. Привлекательный темноволосый мужчина вмиг превратился в старика.

— Морвейн, — к нему кинулся король. Вдвоем с Вальдрианом они вывели главу Ноктеверн из комнаты.

Главу дома занесли в покои короля. На Гелиане не было лица.

— Я распоряжусь, чтобы тебе сделали заживляющее зелье, — король метался по покоям, выкрикивая слуг.

— Гелиан, успокойся, ради богов — Морвейн закашлялся и поморщился. Болезненная судорога прошла по его лицу.

— Дядя, они ответят за сделанное. Я это просто так не оставлю, — Вальдриан стоял, сжав кулаки. Сквозь пальцы пробивалась тьма, глаза чернели.

— Вал, прекрати. Нам не хватало еще войны между домами. Дурак Солвейн и так подписал себе смертный приговор по законам королевства, — Морвейн поморщился от боли. Каждое слово давалось ему с трудом.

— Этого недостаточно. — Вальдриан отвернулся к окну и сделал два глубоких вдоха. Сейчас ему нужна была трезвая голова.

— Морвейн, я привел лекаря. Он тебя быстро подлатает, — в комнату вошел Гелиан в сопровождении седовласого старца. — Вальдриан, давай поговорим. — Король кивнул будущему наследнику на дверь в кабинет. Вальдриан последовал за ним.

— Я понимаю, ситуация не из приятных — начал король, но тот его тут же перебил:

— Неприятная ситуация? Этот седовласый хрыщ напал на главу дома. Это объявление войны, — Вальдриан снова начинал терять терпение. Тьма в комнате зашевелилась и поползла по стенам.

Король примирительно поднял руки.

— Давай так, ты дашь мне неделю, и Солвейны понесут наказание. Если считаешь, что смертной казни недостаточно, что ты хочешь?

— Нам нужно возмещение. Дядя покалечен, и когда придет в себя — неизвестно. Нам нужна компенсация, которую никто не оспорит. По указу короля, — Вальдриан бросил на Гелиана холодный, выжидающий взгляд.

Король сжал переносицу пальцами, тяжело вздохнул.

— Что ты хочешь?

— Пускай отдадут нам три пограничных города: Эшвальд, Тенебрис и Ноктвик, — на одном дыхании выдал Вальдриан.

— Но это дозорные города! — произнес шокировано Гелиан. — Ты лишаешь их защиты

— Защиты от нас? Я знаю. — Вальдриан был пугающе спокоен, в то время как тьма уже добралась до середины стен. — Это мои условия. Если вы не хотите помимо пророчества решать еще и вопрос войны на северо-западе. Потому что если вы откажете, я задам вам вопрос, на который вы не захотите отвечать.

— И какой же? — король был измотан, голос звучал устало.

— Какой дом вы поддержите в случае конфликта? — Вальдриан спросил, заранее понимая, что король не ответит.

Гелиан Солмариус и Морвейн Ноктеверн дружили еще со времен службы на границах купола. Не было ни дня, чтобы глава Ноктеверн не обменивался письмами с королем. Об этом знал только очень узкий круг лиц. Если бы прознали остальные дома, пошли бы сплетни, что король лояльнее к луне, чем к солнцу. А это подорвало бы авторитет Гелиана.

Правитель четырех домов вздохнул. Так вздыхают те, у кого на плечах лежит неподъемная ноша.

— Делай что знаешь. Указ о городах я подпишу. Уже вижу истерику Эльдраса — король махнул рукой и вышел из кабинета.

Вальдриан усмехнулся.

Гелиан ошибся. Истерику главы Солвейн он не увидит.

В это же время. Дворец семи светил. Тайная переговорная.

Каэлдор Солвейн кинулся к отцу. Тот лежал без движения на полу, как его бросил наследник Ноктеверна.

— Отец, отец! — сын похлопывал по щекам Эльдраса. Тот не реагировал. Прислонив ухо к его груди, Каэлдор услышал слабое биение сердца. — Еще жив! Помогите мне!

До этого замерший Аларис Аурелиан бросился на помощь. Расстегнув камзол и рубашку, вместе с Каэлдором они перевернули мужчину на бок. Через несколько минут веки главы дома Солвейн дрогнули. Хрипло закашлявшись, Эльдрас хватал воздух ртом.

— Проклятые.. Ноктеверны.. убью.. — сипло выдыхал он.

— Отец, ничего не говори. Возможно, он тебе повредил гортань, — Каэлдор осторожно помог главе дома подняться.

Эльдрас встал, покачиваясь. Сын вывел отца из комнаты. В тайной переговорной остались только Аурелианы и Астерион.

— Чувствую, скоро все изменится. Как бы не началась война на северо-западе из-за сегодняшнего дня, — Эстарион все это время не поменял позы. Словно перед ним разворачивался спектакль, в котором он не участвует.

— Войны не будет, — растягивая слова и потягиваясь, сказал Астерион. — Моему отцу сейчас не до северо-западного вопроса. Думаю, все уже решилось, пока мы с вами тут наблюдали воскрешение Эльдраса Солвейн.

— В каком смысле? — впервые за вечер подал голос Аларис.

— Ну смотри, — снисходительно пояснил будущий правитель четырех королевств. — Вальдриан не ворвался и не добил Солвейнов. Значит, король предложил что-то выгодное. Учитывая, слухи о племяннике Морвейна, думаю, что он отдал ему города Солвейнов.

— Получается, в обмен на жизнь Эльдраса король отдал города их королевства? — задумчиво произнес Аларис.

— О нет, сынок. Король отдал земли Ноктевернам, чтобы конфликт не разгорелся сейчас. Но полностью потушить пламя у него навряд ли получится. За жизнь главы Солвейна никто не может ручаться. Ты же слышал слухи о Вальдриане? Что о нем говорят? — На последних словах Эстарион оживился, глаза загорелись. Как истинный представитель рода Аурелиан, он очень любил сплетни. А больше всего ему нравилось их распространять.

— И что же о нем такого говорят? — Астерион показательно зевнул и прикрыл глаза.

— Ходят слухи, что сына Морвейна, который должен был быть наследником, Вальдриан убил из-за девушки. Ему понравилась какая-то провидица. И она же понравилась Вальдриану. Доподлинно неизвестно, что там произошло, но суть в том, что Вальдриан выпустил тьму и парня просто разорвало. Я вообще удивлен, что Морвейн сделал его наследником после всего.

— Ну я больше слышал, что про него говорят на границах купола, — Астерион приоткрыл глаза. — Он безжалостен к врагам. Однако и союзников своих он не сильно жалуется. Вальдриан опасен — никогда не знаешь, что у него в голове. Один солдат, который был у него в подчинении, сказал, что в гарнизоне его прозвали Черный Архитектор. Потому что жертвы всегда остаются в разных изувеченных позах. Если вообще остаются.

Дом Аурелиан задумался. Наследник и глава дома решили, что никогда не будут выступать против Ноктевернов в открытую. Однако Отец и сын Аурелианы переглянулись. Никто не мешал им действовать через другие дома.

Поместье дома Ноктеверн. Этот же вечер. Тридцать лет назад.

Морвейн осматривал себя в зеркале. Красноту убрать удалось, но покалеченная часть лица представляла собой один огромный шрам. Чудо, что не пострадало зрение. Мужчина легко дотронулся до обожженной кожи — неприятная резкая боль пронзила тело.

— Дядя, — в комнату вошел Вальдриан. — Я забрал у Солвейнов приграничные города: Эшвальд, Тенебрис и Ноктвик. Теперь они слепы, как котят. Мы можем действовать.

Морвейн повернулся к племяннику. Иногда глава дома не понимал, кто перед ним. Человек или просто сосуд для тьмы.

— Я рад, что из произошедшего ты извлек пользу для нашего дома, — голос Морвейна был сух. — Однако ты забыл про пророчество. Хранитель хроник его передал не просто так. И я думаю, оно напрямую связано с нашим домом. — Морвейн тяжело вздохнул. — Ты слышал о проклятии нашего рода?

Вальдриан прикрыл глаза. Он уже думал об этом. Мысль посетила его еще в тайной переговорной. Проклятие дома Ноктеверн липкий страх вонзил когти в сердце. Элисвейна.. его маленькая провидица. Она ждала их первенца.

— Слышал. Элисвейна беременна, но ни красной луны, ни трёххвостых лис на нашей земле нет. Я разослал отряды, они постоянно прочесывают лес, — голос Вальдриана был безэмоционален. Никто не должен чувствовать его страх.

— Эта девка должна целовать мне ноги, за то, что после всего я позволил ей остаться, — Морвейн задрожал от злости. — Ты слышал слухи, что ходят о тебе? Что говорят про тебя и моего сына?

Небольшие клубки тьмы начали собираться у ног будущего наследника. Вальдриан сжал кулаки. Он знал, что его считают убийцей. Пусть и дальше так думают, ему же лучше. Лишь бы не трогали Элисвейну.

— Дядя, давай не будем ворошить прошлое. Тем более, в том, что произошло, есть и твоя доля вины.

— Это какая же? — Морвейн приподнял уцелевшую бровь.

— Если бы ты чаще уделял внимание сыну, то заметил бы, что он моральный урод. Ему опасно находиться в обществе, а уж тем более управлять домом. Ты и сам это прекрасно понимаешь.

Морвейн резко отвернулся от Вальдриана. Да, возможно, воспитание было его упущением. И управлять домом своему сыну он бы не позволил. Но отцовское сердце мягко, поэтому он закрывал глаза на все его проступки: подкупал жертв, задаривал золотом их родителей. Однако то, как он умер искупило все его грехи.

— Я не буду признавать твою правоту. Ты и так знаешь мое мнение. Надеюсь, твоя провидица родит хотя бы наследника. И молись, чтобы не было предзнаменований — тогда и ребенок, и она последуют за моим сыном.

Глава дома Ноктеверн не обернулся к Вальдриану. Не повернулся он и когда услышал хлопок двери.

Лишь спустя несколько минут Морвейн выдохнул. Спина сторбилась, руки опустились. Если бы прохожий взглянул на этого человека, то никогда бы не признал в нем главу рода. Для него он бы был просто уставшим стариком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.